

страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия <...> Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, семена которых мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища из них подымутся" - VIII, 221). Две полярные парадигмы - "небесный град" и "земной град" (восходящие к Августину), традиции исихазма, аскетики, "внутренней церкви" и социального, деятельного христианства - Гоголь пытается объединить в одну. Отсюда рождается ощущение эклектизма, который формируется под влиянием не только православных традиций, но и под влиянием идей протестантизма, католицизма, пietизма и т.п. Стихийность и естественность душевно-духовного самочувствия Гоголя не парализуют его творческую волю, а предельно обостряют ее возможности, реализуясь в литературной оформленности нового состояния писателя, почти уже монаха³.

ВТОРОЙ ТОМ "МЕРТВЫХ ДУШ": ДВИЖЕНИЕ К ПРОПОВЕДИ

Второй том "Мертвых душ" остался незавершенным. Вероятно, по этой причине он никогда не анализировался как некое жанровое целое. Однако при том, что отдельные звенья сюжета отсутствуют, ощущение сюжетной завершенности и даже исчерпанности II тома все-таки появляется. Оно формируется несколькими обстоятельствами: во-первых, общей архитектоникой замысла и наличием I тома; во-вторых, особенностями жанровой организации, задающими законы восприятия дошедшего текста как целого, и, наконец, существованием "Выбранных мест из переписки с друзьями", которые тяготеют к I и II томам поэмы, образуя с ними как бы единую книгу творений Гоголя.

Во II томе перед читателем открывается иное видение мира, иные принципы художественной образности, кото-

рые определяются поиском позитивных начал русской жизни, путей и способов достижения национальной гармонии, положительного образа человека и моральной философии, объясняющей смысл и предназначение человеческой жизни. Специфику решения этих художественных задач, их жанровое оформление во многом определила авторская установка на жизнетворческую функцию текста. Текст Гоголя утрачивает свою художественную автономность, приобретая функцию текста дидактического, призывающего к подражанию образцам, к переустройству мира и преображению человека. Резкое усиление дидактических и утопических тенденций II тома приводит к тому, что жанровая структура приобретает черты своеобразной развернутой проповеди с маркированным началом и концом "сюжета", с контрастной организацией его линий, которые соотносятся между собой как "образец" и "нарушение", с микрожанровыми проповедническими "инкрустациями", проповедническими темами, мотивами, стилистикой, с библейскими аллюзиями и притчевыми историями.

Рай, Божий сад и "новый монастырь"

Открывается II том пейзажным описанием российского "закоулка". Образ пространства явно превышает задачи натуралистического описания пейзажа и, подобно символическому финалу I тома, символичностью отмечает начало сюжета второго. Его описание ассоциируется с описанием **утопических** пространств, имеющих своим прообразом "земной рай". Важнейшей его приметой является граница, роль которой обычно выполняют естественные или искусственные ограждения - стены, труднопроходимые горы, лесные массивы и водные преграды⁴. Аналогичным образом отмечена эта граница и в "Мертвых душах": *"Как бы исполинский в а л какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами, или извиваясь на тысячу с*